

КОНФЕРЕНЦИЯ В ИЯ РАН “ЯЗЫК И ЯЗЫКИ ПОЭЗИИ” (К 80-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ АЙГИ)

15–17 октября 2014 г. в Институте языкознания РАН прошла конференция “Язык и языки поэзии”, посвященная 80-летию русско-чувашиского поэта Г. Айги, на которой обсуждались проблемы многоязычия в поэзии и рассматривались особенности языка поэтов-билингвов. Основными направлениями работы конференции стали исследование творчества Г. Айги и изучение особенностей функционирования поэтического языка в условиях многоязычия.

Пленарное заседание открылось докладом к.ф.н. *А.П. Хузангая* “Чувашиязычная и русскоязычная картины мира у Г. Айги”, в котором был рассмотрен широкий круг вопросов: становление оригинального идиостиля Айги в аспекте эволюции; взаимодействие чуваше- и русскоязычной картин мира; воздействие европейских поэтико-философских традиций на его творчество. Поэзия раннего чувашеязычного периода творчества Айги отмечена влиянием чувашских концептов и поэтической традиции. Его ранняя русскоязычная поэзия 1960-х гг. формируется под воздействием пастернаковского импрессионизма, символистско-футуристических языковых практик и новейшей французской поэзии. В более позднем русскоязычном творчестве Айги влияние национальной поэтической традиции и чувашского языка редуцируется, но имплицитно присутствует в его текстах.

Академик РАН *А.Б. Куделин* в докладе “Андалузская строфическая поэзия: особый случай межъязыкового взаимодействия в средневековой Европе” на примере арабо-романской гибридной строфической формы рассмотрел особенности существования смешанных поэтических систем в условиях многоязычия.

В средневековой Испании сложилась благоприятная языковая обстановка, обеспечивающая контакты христианского и мусульманского миров. Ситуация многоязычия формировалась двумя литературными языками – классическим арабским и классической латынью, двумя народными языками – арабским и вульгарной латынью, а также берберским и еврейским языками. В средневековой форме мувашшах, популярной на Пиренейском полуострове, основная часть писалась на классическом арабском, а харджа (концовка)

писалась либо на диалекте арабского с использованием намеренно простонародной лексики, либо чаще всего на романских языках, причём романский стих записывался с помощью арабской или еврейской графики. Тем самым в одном произведении создавалась ситуация би- или трилингвизма. Именно многоязычие рассматривается как отличительная черта поэтики мувашшаха. Художественный эффект обеспечивался столкновением разных поэтических традиций (мужского лиризма арабской традиции и женского лиризма романской), а также столкновением языков. Создаётся гетерогенная система, отвечающая запросам многоязычной аудитории. Мультилингвизм мувашшаха можно также рассматривать в контексте интереса в средневековой Европе к полилингвистическим формам.

Доклад д.ф.н. *А.Д. Шмелёва* «“А я-то, дура...”: проблема понимания поэтики Г. Айги» был посвящён общесемиотическим проблемам поэтики Айги, в частности участию в его произведениях не-текстовых элементов, а также вопросам издания и текстологии.

Для поэзии Айги характерны разного рода “вкладки” и вложения, как обозначенные в тексте и предусматривающие некую интерактивность (например, в стихотворении “Взаимодействие”), так и сделанные самим автором для какого-то конкретного адресата, например, вложенный листок в книгу, подаренную Айги Т.В. Булыгиной и Д.Н. Шмелёву. Кроме того, издания Айги отличаются друг от друга расположением текста на странице, расстоянием между строчками, размерами внетекстовых элементов и их цветом. Делается вывод о том, что принципы издания Айги – это не чисто полиграфическая, а важная текстологическая и семиотическая проблема. Например, в стихотворении “Спокойствие гласного”, состоящем из названия, гласного “а” и даты, существенны интервалы как между заглавием и гласным, который можно рассматривать как иероглиф, так и между минимальным текстом и годом. В советское время все эти характеристики не учитывались, и текст печатался очень сжато, без необходимого белого поля, мог соседствовать на одной странице с другими текстами, что в корне противоречило поэтике Айги. Вторичные арте-

факты, материал, цвет, шрифт, размер, интервалы и орфография Айги должны быть поставлены в общесемиотический и общетекстологический контекст. Текст, взятый в отвлечении от этих явлений, это некая абстракция.

Проблема влияния лингво-философской концепции В. Хлебникова на поэтику Г. Айги была осмыслена проф. В. Вестстейном (Амстердам) в докладе “Г. Айги и В. Хлебников” в социально-историческом, биографическом и метаязыковом аспектах. Анализ многочисленных теоретических и поэтических работ Айги, посвященных Хлебникову, позволил выявить, что, несмотря на значимость эстетико-поэтической системы Хлебникова для Айги, доминантные характеристики их идиостилей различаются. Характерные для Хлебникова способы словотворчества (контаминация, редеривация, редупликация, конверсия, сращение и др.) ограниченно присутствуют в поэзии Айги. Ключевым для Айги стало не формотворчество Хлебникова, но его эстетико-семиотическая позиция, связанная со стремлением дать языку новый, “космический” смысл и “освободить” слово от коммуникативной функции.

Д.ф.н. А.А. Житенев в докладе “Порождающая поэтика Г. Айги: опыт исследования рукописей” предложил интерпретацию творческой истории одного из важнейших текстов Г. Айги 1960-х гг. – стихотворения “Ницше в Турине”. Анализ сохранившихся в архиве поэта вариантов и редакций позволил охарактеризовать авантекст, выявить стратегии работы поэта с рукописью, исследовать содержательные и формальные особенности оформления творческого замысла.

Проф. Р. Грюбель (Ольденбург) в докладе “Физика и метафизика тела в стихотворном творчестве Г. Айги” обратился к концепции телесности у Г. Айги в контексте исторических и современных философских тезисов о физике и метафизике тела. Параллельно с активизацией в текстах семантики пустоты и молчания происходит постепенное исчезновение идеи человеческого тела, при этом физический субстрат стиха понимается как его тело.

Проф. М. Маурицио (Турин) в своем выступлении “Невербальные элементы в поэзии Айги и Сапгира” выявил общие тенденции поэтик Г. Айги и Г. Сапгира, которые заключаются в рассмотрении графики и формальных составляющих поэтического текста в качестве смыслообразующих элементов, а также в особом внимании к интонационным переходам.

В докладе проф. Х. Шталь (Трир) “Мистика поэзии Г. Айги” были выделены четыре фазы в

развитии его поэтики и философских взглядов. Ранний период 1950–60-х гг. окрашен пантеизмом, а в конце 60-х гг. намечается переход к трансцендентному мировоззрению с нарастающей близостью к прежде отвергаемому христианству. В 60–70-е гг. мистическое начало в поэзии Айги достигает своего апогея. В начале 1980-х гг. в его стихотворениях явно заметен перелом на мистическом пути. Лишь к концу жизни оживляется память ранних мистических творений.

Пантеистическое мировоззрение связано с мистической поэтологией, приписывающей поэзии возможность вести к опыту как самого пишущего-говорящего, так и читателя. Только вместе с отказом от мистических переживаний поэзия отделяется от мистики. Этот перелом связан с принятием христианства в форме, родственной с традицией отцов церкви и мистиков-философов – таких как Николай Кузанский, утверждающих непостижимость Бога и проповедующих принятие и преображение земной жизни на основе самовоспитания и одухотворения ума и сердца.

Айги предстает в своей поэзии как мудрец, прошедший путь от мистического поиска – через познание *conditio humana* и ограниченной природы мистических переживаний – к индивидуально выбранному и трудно осуществляемому пути христианской мистики молчаливой молитвы и духовной работы.

Доклад проф. Т. Гланца (Базель, Берлин) “(Ино-)странный язык поэзии Г. Айги, проблемы и последствия транснационализма” был основан на рассмотрении иероглифической составляющей поэтики Айги. Осознанная “транслатологика” была выделена как отличительная черта поэтической стратегии Айги. Это касается и отношения Айги к переводу европейских текстов на чувашский язык, переводческая деятельность при этом видится не как культурно-просветительская, а как обогащающая и организующая для его собственной поэтики, этот же принцип переносится в его оригинальные стихи на русском языке. Поэт осуществляет в оригинальном тексте некую процедуру перевода, благодаря которой слова и высказывания открываются в другие языки и пространства за языком. Эта процедура перевода обеспечивает и причастность к концепту “мировая литература”, который формируется в том числе вопросами об универсальном языке и переводимости как таковой. В результате возникает поэтика стыка, направленная на выход языка за пределы самого себя (в том числе шаманские практики и выход за пределы синтаксиса).

Большое место среди исследований, представленных на конференции, занимали выступления,

посвященные взаимодействию поэзии Г. Айги и других авторов, а также рецепции его творчества. В выступлении к.ф.н. *О.И. Северской* “Г. Айги глазами Леона Робеля – друга, переводчика, исследователя, поэта” были исследованы вопросы, связанные с восприятием поэтического языка Айги его биографом и исследователем Л. Робелем. Вслед за Робелем докладчик проследил творческую эволюцию от “исповеди”, восходящей к М. Лермонтову и В. Маяковскому, к “проповеди всего на свете” как поэтической философии, связанной, с одной стороны, с французской поэзией, а с другой – с немецкой философией. Был сделан акцент на понятии *языкового поведения* поэта, которое может быть многовариантным и проявляется прежде всего в словотворчестве как прорыве к “абсолюту красоты”.

Два доклада были посвящены сопоставлению поэтической системы Г. Айги с другими эстетическими практиками. В докладе к.ф.н. *Д.Н. Воробьева* на тему “Язык безлюдия в поэзии Геннадия Айги и Тура Ульвена. Опыт сопоставительного исследования” было отмечено различие этических принципов организации поэтики двух авторов, несмотря на наличие некоторых общих языковых и эстетических черт. Проблема билингвизма в европейской литературе XX века на материале творчества чувашско-русского поэта Г. Айги и немецко-французского поэта Х. Арпа была осмыслена в докладе *А.М. Мирзаева* “Геннадий Айги и Ханс Арп. К проблеме билингвизма в европейской литературе XX века”.

В рамках конференции был организован круглый стол “Рецепция многоязычия поэтами-билингвами”, к участию в котором были приглашены филологи и поэты-билингвы *Е. Зейферт* (немецкий-русский), *Я. Каплинский* (эстонский-русский) и *Г.-Д. Зингер* (иврит-русский). На круглом столе обсуждались вопросы, связанные с трансформацией субъективации при смене языка, параметрами адресованности поэтического текста и изменением “образа языка”.

Отдельная секция конференции была целиком посвящена проблемам поэтики Г. Айги, анализу реализации его поэтической системы на разных языковых уровнях и специфике выражения субъекта в его текстах.

Д.ф.н. *Л.А. Будниченко* в рамках доклада “Пунктуационная интертекстуальность поэзии Г. Айги” исследовала явление интертекстуальности в пунктуационной графике и визуальном облике стихов Г. Айги, выявила интертекстуальные связи на данных уровнях со стихами В. Маяковского, М. Цветаевой, картиной “Черный квадрат” К. Малевича.

В сообщении проф. *М. Гото* (Хоккайдо) “Не-представление Волги в русских стихотворениях Айги” были выявлены различия в принципах концептуализации пространства в русскоязычной и чувашеязычной поэзии, для русскоязычной поэзии Айги характерны абстрактные концепты (*поле, лес*), в то время как для чувашеязычной поэзии – более конкретные (*Волга*).

В докладе «К проблеме “субъектности” у Г. Айги» д.ф.н. *Н.А. Фатеевой* была осмыслена проблема организации субъектной перспективы в поэтической картине мира Айги. Субъектная перспектива текста во многом определяется выбором лексико-грамматических форм, а также форм личных местоимений, на которых строится лирический сюжет стихотворений. На материале ранних стихотворений “Вдруг – мелькание праздника”, “Ты с конца” и “К тебе с конца” были выявлены процессы изменения субъектной перспективы и создания колеблющегося эффекта присутствия / отсутствия лирического субъекта и адресата. Анализ текстов показал, что субъект в поэзии Айги, будучи формально проявленным или не проявленным, всегда сосуществует с неким высшим началом, принимающим то мужской, то женский облик.

В докладе к.ф.н. *Е.В. Суловой* “Рефлексивность в поэзии 2010-х годов (лингвистический аспект)” были проанализированы два базовых показателя рефлексивности поэтического текста – субъективация и тавтологизация. Поэзия Айги была соотнесена с концептуализирующим типом субъективации, в котором рефлексивность максимальна.

В докладе к.ф.н. *К.М. Корчагина* “Снежные поля Геннадия Айги: в поисках новой субъективности” на примере ранних произведений поэта была рассмотрена зависимость поэтического субъекта от матрицы пространства, реконструируемой на основе его стихов. “Поля” представляют собой базовые пространства, и его ключевыми характеристиками являются наличие границы и особая позиция наблюдателя, что во многом определяет сам тип субъекта поэтического высказывания.

Традициям Г. Айги в новейшей русской поэзии был посвящен доклад к.ф.н. *Д.М. Давыдова*. Исследователь рассмотрел, как функционирует поэтическое наследие Г. Айги в наши дни, и отметил возникновение мифов о творчестве Айги, наличие отсылок к наследию поэта у самых разных авторов, посвящений Айги, а также “встроенность” поэтических приемов Айги во все современные поэтические традиции.

К.ф.н. *О.В. Соколова* в докладе «Концепция “универсального слова” в творчестве Юджи-

на Джоласа» обратилась к анализу творчества Ю. Джоласа, поэта-мультилингва и редактора многоязычного журнала “Transition”. Докладчик выделил общие лингво-философские аспекты, отражающие сходство концепций “универсального слова” Джоласа с теориями “вселенского языка” и “самовитого слова” русских футуристов.

Доклад к.ф.н. *Л.Р. Додыхудоевой* “О формировании концептуальной лексики в поэзии Насира Хусрава” посвящен проблемам использования Насиром Хусравом – персидским поэтом и философом XI в., писавшим на персидском языке, – арабских поэтических форм/жанров (касыды) и арабского языка, на котором разрабатывались религиозно-философские основы шиизма и исмаилизма и которым он хорошо владел.

В дальнейшем сформированный им в персидском языке корпус концептуальной лексики – в основном арабского происхождения – вошел у преемников исмаилитской традиции в религиозно-философский словарь персидского/таджикского языка, а позднее стал использоваться и в миноритарных языках Памира, в частности в поэзии. Поэт разработал новую концепцию слова, ввел новый для поэзии словарь и способы его подачи в поэтическом произведении на персидском языке.

И.В. Котюх (Таллин) “Феномен двуязычного автора в эстонской литературе” предложил рассматривать в контексте многоязычия творчество И. Северянина, поскольку в период проживания в Эстонии и работы над русскими переводами эстонской поэзии существенные изменения претерпела его собственная поэтика. Это наблюдение согласуется с общим тезисом, сформулированным в ряде других докладов, об активном воздействии многоязычной среды на язык поэта.

Доклад к.ф.н. *С.Г. Парижского* “На перекрестке культур: макаронические стихи Иегуды ал-Харизи” (1170?–1235) был посвящен логике последовательности и сочетания языков в средневековом трехязычном поэтическом тексте, состоящем из 24 строк: первая треть каждой строки – на иврите, вторая – на арабском, третья – на арамейском языках. В каждой строке рифмуются фрагменты на иврите и на арабском, а арамейские фрагменты рифмуются только между собой. Докладчик приходит к выводу, что арамейские фрагменты стоят в конце строки, поскольку арамейский текст стихотворения представляет собой набор цитат, а в арабской и еврейско-арабской поэзии был распространен монорим, и подобрать необходимые с точки зрения рифмы цитаты было сравнительно нетрудно.

Можно найти несколько объяснений тому, что иврит предшествует арабскому. Альхаризи прибегает к мотиву переодевания, заимствованному из Макам, как к метафоре перевода: перевод – это смена одежд при сохранении смысла. Тот факт, что в тексте анализируемого стихотворения иврит помещается на первое место, призван отразить возвращение языку его былого величия. Многоязычный характер стихотворения отражает также лингвистический мессианиззм ал-Харизи.

В выступлении *А.Л. Полян* “Двуязычие иврит-идиш в поэзии еврейского Просвещения в Восточной Европе” проблема билингвизма рассматривалась на примере поэзии еврейского Просвещения в Восточной Европе. Традиционно в еврейском обществе иврит и идиш находились в отношениях диглоссии. Сложилась ситуация, когда в рамках одной дискурсивной практики – поэзии – сосуществовали два языка с совершенно разным статусом. Иврит считался языком, приспособленным для поэзии: несомненность этого утверждения подкреплялась многовековой традицией написания высокой поэзии на иврите. Идиш же имел статус языка, на котором писать стихи крайне трудно. Иврит воспринимался как язык, который нужно оберегать и очищать от вредоносных воздействий других языков, – идиш вообще не мыслился как языковая система, как нечто завершенное. Именно такое восприятие идиша позволило поэзии на нем стать открытой для влияния современной литературы, именно в поэзии на нем появляются новые метрические практики и жанровые формы.

Д.ф.н. *А.В. Вдовиченко* в докладе “О славянских переводах псалмов. Аспекты вульгарного билингвизма” была предпринята попытка рассмотреть спонтанную и осознанную интерференцию, возникающую при переводе псалмов, в рамках современной коммуникативной парадигмы.

В докладе к.ф.н. *Ю.Б. Дрейзис* “Билингвизм vs. мультикультурализм: феномен творчества австрало-китайского поэта Оуян Юя” был рассмотрен один из случаев билингвизма в современной китайской поэзии. При выстраивании своей мультикультурной идентичности поэт использует как смешение двух языков в рамках художественного пространства одного произведения, вплоть до их смешения внутри одной языковой единицы, так и широкий пласт языковой игры “на границе” между двумя языками.

В докладе д.ф.н. *Д.Б. Никуличевой* «Языковое “омногомеривание” смыслов в творчестве В. Мельникова» рассматривалось языковое творчество В. Мельникова – яркий пример того, как

звуковой и графический строй множества языков может быть использован в качестве средства творческого самовыражения личности. На основании анализа ряда многоязычных стихов поэта был сделан вывод, что природа языкового творчества Мельникова усматривается в синестемии – соотношении “соощущения” и “созмоции”, механизме, лежащем в основе функционирования речи с раннего детства и остро ощущаемом полиглотами.

К.ф.н. *Е.А. Бакланова* в докладе “Филиппино- и англоязычная поэзия Э. Маранана” сосредоточила свое внимание на разнице между тагалог- и англоязычной поэзией Маранана, которая наиболее заметна в выборе тем и форм произведений. В большинстве тагалогоязычных стихов Маранан обращается к темам филиппинской жизни. В англоязычной поэзии автор предстает скорее как космополит, “человек мира”.

В ряде выступлений так или иначе поднимались вопросы перевода поэзии, что позволяет посмотреть на перевод под другим углом – в ракурсе межъязыкового взаимодействия. Доклад к.ф.н. *В.В. Фещенко* “Автоперевод поэтического текста как разновидность автокоммуникации” был посвящен авторским переводам поэзии поэтами-билингвами. Исследователь пришел к выводу, что немногочисленные примеры продуктивных стратегий автоперевода демонстрируют нетривиальные и можно сказать уникальные модели автокоммуникации в языке и литературе – осуществляют межкультурный перенос в рамках отдельно взятых текстов-двойников.

В выступлении *Е.Л. Калашиниковой* “Русские переводчики художественной литературы и билингвизм” был представлен анализ многочисленных интервью с современными переводчиками, который дает представление о психологических аспектах перевода, определяющих деятельность переводчика, в частности, о механизмах понимания, оценки и принятия решений во взаимодействии человека и художественного текста.

Доклад к.ф.н. *М.А. Тарасовой* “Билингвизм в оригинальной и переводной поэзии Н. Скандиаки” был посвящен особенностям реализации билингвизма Н. Скандиаки в ее оригинальной поэзии и переводах. Исследователь пришел к выводу, что отличительной чертой идиостиля Скандиаки является смешение стратегий поэта-билингва и поэта-переводчика.

К.ф.н. *А.Р. Мурадова* в докладе «“Барзаза Брейз” Т.Э. де ля Виллемарке: фальшивка или литературная обработка?» поставила вопрос об анализе фольклора и литературной мистификации

в связи с билингвизмом. Сборник бретонских баллад “Barzaz Breiz”, вышедший в свет в 1839 г., изначально претендовал на роль визитной карточки бретонской устной литературы. Его составитель Т. Э. де ля Виллемарке вдохновлялся “Оссиановыми песнями” Дж. Макферсона, а также весьма распространенным в конце XVIII – начале XIX века жанром литературных фальшивок. В результате, чтобы архаизировать записанные им народные бретонские баллады, он внес в них значительные изменения. Среди действующих лиц появились друиды, Мерлин, король Артур и его рыцари, незнакомые носителям бретонской фольклорной песенной традиции. В середине XIX столетия, когда фольклористы обнаружили, что де ля Виллемарке сильно модифицировал тексты народных песен и баллад, его подвергли критике вплоть до обвинений в создании фальшивки, а также незнании бретонского языка и фольклорной традиции. Лишь сто лет спустя, в середине XX века, де ля Виллемарке был отчасти реабилитирован, когда были найдены сделанные им записи песен и баллад, составлявших основу сборника.

В докладе к.ф.н. *Б.В. Орехова* “Стихи в программном коде: современный опыт и методика анализа” поэтическое двуязычие было исследовано в более широком семиотическом контексте: в качестве одного из взаимодействующих языков выступает естественный язык (чаще всего, английский), а в качестве другого – один из языков программирования. В последние годы возникла поддерживаемая профессиональными программистами традиция создавать поэтические тексты в коде своих программ. Такая практика получила официальное признание благодаря специальному регулярному конкурсу, проводимому в Стэнфордском университете. Как показывает анализ, важным при этом является само представление создателей стихов в программном коде о поэтическом как категории, которая может быть представлена в формальных или в содержательных аспектах текста.

Доклад к.ф.н. *М.Ю. Мартынова* “Феномен повтора в поэзии Г. Айги” был посвящен лингвистическим и философским аспектам этого явления. Автор приходит к выводу, что повтор в поэтических текстах Г. Айги имеет некумулятивный и некоммуникативный характер; повтор у Айги нельзя описывать в терминах эволюции и памяти, поскольку он не связан с имитацией и подражанием. Для интерпретации повтора значима некоторая нечисловая его способность соотноситься с *целым* поэтического текста, и в этом отношении повтор раскрывается как структура, напоминающая фразеологизм.

К.ф.н. *Д.В. Ларионов* в докладе «Г. Айги и Л. Юсупова: возможность говорить о “единичном”» рассмотрел сходство и отличие поэтических систем двух поэтов в связи с философией С. Кьеркегора. Поэтический акт Айги связан с обнаружением “не-Я” поэтического субъекта и неизбежностью десубъективации. При этом десубъективация, характерная и для Юсуповой, получает в ее текстах иное выражение: поэт использует цитаты из документов и лирических текстов. Там, где у Айги ситуация единичного приобретает религиозные коннотации, у Юсуповой существование индивида определяет персональная власть. Божественная воля у Юсуповой присутствует как трансгрессивная внутренняя речь – тех, кто взялся ее исполнить. В качестве общих черт выделены интерес как к “большой”, так и к “малой” культурам, а также внимание к сюжетам насилия в антипсихологической трактовке.

В докладе д.ф.н. *В.И. Постоваловой* “Слово и молчание у Г. Айги” была представлена теолингвистическая трактовка соотношения речи и молчания в художественном мире Г. Айги, который в своих опытах построения “первозданно-высокого языка” исходил из понимания поэтического (“Иоаннического”) слова как “Творящего Слова”, сохраняющего свою “логосную основу” в различных коммуникативных ситуациях, в том числе в ситуации создания “поэзии тишины”.

В докладе к.ф.н. *С.Ю. Бочавер* “Лексические особенности поэзии П. Джимферрера” было отмечено, что его оригинальные испанские стихи характеризуются в ситуации выбора между синонимами употреблением того слова, которое фонетически больше похоже на каталанское. Противоположная тенденция обнаруживается в его испанских автопереводах. Анализ лексического выбора автора в целом ряде случаев указывает на поиск различий между испанским и каталанским языками, а в образы этих близкородственных языков, конструируемые в поэзии П. Джимферрера, входит дистанция (или ее поиск) между ними.

В докладе д.ф.н. *Ю.Б. Орлицкого* “Проза поэта Геннадия Айги” были рассмотрены разные варианты привнесения стихового начала в прозу: метризации, строфизации, прозиметризации и визуализации прозы по образцу стихотворной речи. Исследователь сделал вывод об особой ритмической природе прозаического наследия Айги.

Доклад д.ф.н. *И.И. Чельшевой* “Многоязычие в средневековой романской поэзии” был посвящен реконструкции той языковой среды, в которой бытовала романская поэзия в Средние века.

Поэзия, наряду с деловой перепиской, является одной из первых областей, где романские языки потеснили латынь, что может быть объяснено желанием пишущего донести до читателя в наиболее естественной для них форме определенные мысли или чувства. Наиболее распространенным было латино-романское двуязычие, однако поэтические тексты нередко появлялись там, где сочетались несколько народных языков. Об этом красноречиво свидетельствуют как отдельные тексты, сочетающие поэтические фрагменты на разных языках (например, на одной странице латинского кодекса соседствуют старофранцузская “Кантилена Святой Евлалии” и германские “Тевтонские ритмы”), так и история национальных поэтических традиций. Итальянская поэзия во многом восходит к сицилийской поэтической школе при дворе Фридриха II на Сицилии, где одновременно бытовали арабский, латинский, греческий, провансальский, немецкий и старофранцузский языки, итальянская народная речь – *volgare*. Эти и целый ряд других примеров позволяют сделать вывод о том, что многоязычная среда стимулировала развитие поэзии на романских языках.

В течение конференции в целом ряде докладов не раз косвенно затрагивалась тема Айги как рассказчика и собеседника, тем больший интерес вызвал доклад д.ф.н. *В.И. Новикова* “Так говорил Айги...”, в котором была системно проанализирована устная речь Г. Айги, отмеченная спонтанностью, разговорной сбивчивостью, резко отличалась от его письменной речи. Для устного дискурса Айги характерны специальные выработанные им полисемантические понятия “пошлость” (в которой он видел квинтэссенцию постмодернизма), “физиология” и др. Устный дискурс Айги характеризовался ориентацией на собеседника, а его излюбленным диалогическим приемом было построение высказывания с опорой на предыдущую фразу собеседника с вычлениением в ней ключевого слова.

В докладе д.ф.н. *К.Г. Красухина* “Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике” была дана лингвистическая трактовка хорошо известному в индоевропейской мифопоэтической традиции феномену: разные группы номинаций соотносятся с “языком богов” и “языком людей”. Это нашло воплощение в “Речах Альвиса” (“Старшая Эдда”), где указано, как называется то или иное явление у богов (асов), людей, духов (ванов) и великанов (турсов). У Гомера есть три примера того, что один предмет боги называют одним именем, люди – другим; в “Авесте” – около 30 пар “ахуровских” и “дэвовских” имён для од-

ного предмета. По мнению докладчика, это связано, с одной стороны, с принадлежностью лексики к разным стилям, с другой – с представлением об особой, магической силе имени. Именованье предмета эквивалентно его первичной, основной сущности, а также характеризует говорящего.

Доклад д.ф.н. *Н.М. Азаровой* был в равной мере посвящен основным проблемам конференции: поэтике Айги, билингвизму и многоязычию в поэзии. Была рассмотрена роль иноязычных инкрустаций в поэзии Айги, поставлена задача проанализировать функционирование иностранного языка в его поэзии, а также определить роль многоязычия в поэтическом мышлении билингва.

Иностраный язык у Айги выступает в том числе как способ кодирования запретной в разных смыслах (или сакральной) тематики, причём поэт превращает в художественный приём обычную практику хеджирования билингвов. В мышлении поэта-билингва облегчается переход к другим языкам (языков всегда больше, чем два). Билингву нужен третий язык, который выступает как посредник между первыми двумя языками и всеми остальными языками. Для Айги третьим языком, который участвует в культурном трансфере, был французский.

Другие языки для Айги – это всегда мост в надъязык. Для его поэтики характерны образования типа Religio-Народ, подразумевающие нейтрализацию грамматических категорий и конкретной языковой принадлежности. Ориентация

на универсальный язык требует не только обеспечить абсолютную переводимость через нейтрализацию характерных категорий, например, рода и падежа, но и возможность восприятия иностранного текста без перевода.

Переход от русского к французскому (с возможным переходом в другие языки и к надъязыку) обуславливает следующий переход в иные знаковые системы (визуальную, музыкальную). Мышление поэта-билингва облегчает и обуславливает семиотические переходы, потому что культурный трансфер, как и семиотический переход как таковой, – это привычная операция. Поэтому такой сильный элемент визуальности, абсолютно новаторский в 60-е гг. не только в русской поэзии, но и в мировой, появляется именно у поэта-билингва.

Конференция показала, что разработка проблемы двуязычия поэзии остается перспективной, актуальной и плодотворной научной задачей.

Она завершилась общим обсуждением влияния двуязычия и многоязычия на развитие поэтического языка. Было отмечено, что исследование межъязыкового взаимодействия может быть особенно продуктивным в контексте разработки лингвистической теории культурного трансфера. По результатам конференции будет опубликован сборник статей.

*Н.М. Азарова,
С.Ю. Бочавер*